

ОСТРОВСКИЙ И ГОГОЛЬ (О ЛИЧНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ)

Сообщение Е. И. Прохорова

Из воспоминаний Н. В. Берга известно, что 3 декабря 1849 г. Островский читал комедию «Свои люди — сочтемся!» в доме М. П. Погодина. На этом чтении присутствовал Гоголь и на вопрос Е. П. Ростопчиной заметил: «Хорошо, но видна некоторая неопытность в приемах. Вот этот акт нужно бы подлиннее, а этот — покороче. Эти законы узнаются после и в непреложность их не сейчас начинаешь верить». Рассказав об этом, Берг добавляет: «Больше ничего он <Гоголь> не говорил, кажется, ни с кем во весь тот вечер. К Островскому, сколько могу припомнить, не подходил ни разу»¹.

Цитата эта общеизвестна. Приводя ее в своей книге «А. Н. Островский», А. И. Ревякин пишет: «Гоголь в этот вечер был «сух», как отметил Погодин в своем дневнике. Но «сухость» не явилась выражением его отношения к Островскому. Комедия произвела на Гоголя большое впечатление. Он написал на клочке бумаги похвальный о ней отзыв, который был Погодиным передан автору. Островским этот отзыв сохранялся «как драгоценность»². К последним словам, взятым Ревякиным в кавычки, как цитата, дана ссылка на воспоминания С. В. Максимова. Действительно, в этих воспоминаниях есть такая фраза: «Похвальный отзыв Гоголя, написанный на клочке бумаги карандашом, передан был Погодиным А. Н. Островскому и сохранялся им как драгоценность»³.

Это упоминание об отзыве Гоголя мы встречаем и в ряде других работ об Островском. Так, еще в 1900 г. И. И. Иванов писал, что «Гоголь, не изъявивший желания познакомиться с автором после чтения, только написал карандашом похвальный отзыв на клочке бумаги; клочок передали Островскому и тот хранил его как драгоценность»⁴. В советские годы С. Н. Дурылин писал: «Свой сочувственный отзыв о комедии Островского Гоголь набросал на отдельном листке и просил передать автору»⁵. А. И. Дубинская, взяв последние слова в кавычки, повторила ту же мысль: после чтения у Погодина «Гоголь тогда же написал сочувственный отзыв о пьесе. Островский всю жизнь хранил заветный листок «как драгоценность»⁶, и др.

Из всего контекста приведенных выше высказываний видно, что хотя ни один из названных авторов, кроме Ревякина, не ссылается на какой-либо источник сведений об этой записке Гоголя, источник у всех один — и им являются воспоминания Максимова. Это видно как из дословного совпадения высказываний, так и из того, что ни в каких других мемуарах современников об этой записке Гоголя нет ни слова.

Но обратим внимание: слова Максимова, что записка Гоголя была передана Островскому Погодиным, т. е. адресатом ее был, по-видимому, Погодин, повторяет только Ревякин. Все другие авторы молча обходят этот вопрос, ограничиваясь только фактом: Гоголь написал записку, ее передали Островскому.

Итак, мы знаем, что эта записка была написана Гоголем и в ней был похвальный отзыв о комедии «Свои люди — сочтемся!».

Далее, рассказав со слов М. И. Семевского о какой-то другой встрече Островского с Гоголем, Ревякин продолжает: «Гоголь близко принимал к сердцу цензурные злоключения «Своих людей». «Дай ему бог,— писал он Ростопчиной,— успеха во всех будущих трудах: Самое главное, что есть талант, а он везде слышен»⁷. К этим словам тоже есть ссылка, на этот раз на статью И. И. Смирнова об Островском. Действитель-

но, в статье Смирнова читаем: «Сохранилась записка Гоголя графине Ростопчиной: «Дай ему бог успеха во всех будущих трудах,— писал он по поводу цензурных мытарств с «Банкротом». — Самое главное, что есть талант, а он везде слышен»⁸.

Получается, что существовала еще одна записка Гоголя, связанная с Островским; на сей раз она адресована Ростопчиной и касается уже не чтения комедии у Погодина, а цензурных злоключений ее.

Здесь следует обратить внимание на то, что в своей статье Смирнов практически почти соединил два факта, т. е. из контекста его высказывания трудно понять — об одной или двух записках Гоголя идет речь, но скорее всего — о двух: «Похвальный отзыв Гоголя, написанный на клочке бумаги карандашом, передан был Погодиным Островскому и сохранялся им как драгоценность. Сохранилась записка Гоголя графине Ростопчиной: «Дай ему бог...» и так далее.

Ревякин, опираясь на сведения, взятые частью у Максимова, частью у Смирнова, разместил их так, что уже не остается сомнений, что были две записки Гоголя: одна — после прослушивания комедии у Погодина, т. е. в декабре 1849 г.; вторая — после цензурных неприятностей, т. е. в апреле 1850 г.

Существование одной записки подтвердил сам Островский: сохранился его черновой набросок, содержащий такие слова: «Покойный Н. В. Гоголь в одном лестном для меня письме, желая успеха моим произведениям, желал также, чтобы я приобрел «полное умение» доказывать их благонамеренность»⁹.

Какая-то записка была в наличии еще в 1923 г.: к 100-летию со дня рождения Островского в ГТЦМ была организована большая выставка, на ней среди писем деятелей русской культуры того времени экспонировалась «записка Н. В. Гоголя с признанием таланта Островского», и вновь сообщались те же данные, что и у Максимова: записка написана «М. П. Погодину, после чтения у последнего в 1849 году Островским своей пьесы «Банкрот» в присутствии Гоголя»¹⁰.

Текст записки здесь не опубликован, а в каталоге выставки, изданном тогда же, нет сведений, чьей собственностью она является и где хранится.

Таким образом, получается, что были все же две записки?!

Вопрос этот разрешает, оставаясь не известной исследователям статья Н. П. Кашина «Островский и Гоголь», опубликованная еще в 1928 г.¹¹ Кашин — знаток рукописей Островского, сообщает, что в Театральном музее хранится записка Гоголя об Островском, и публикует ее текст по подлиннику.

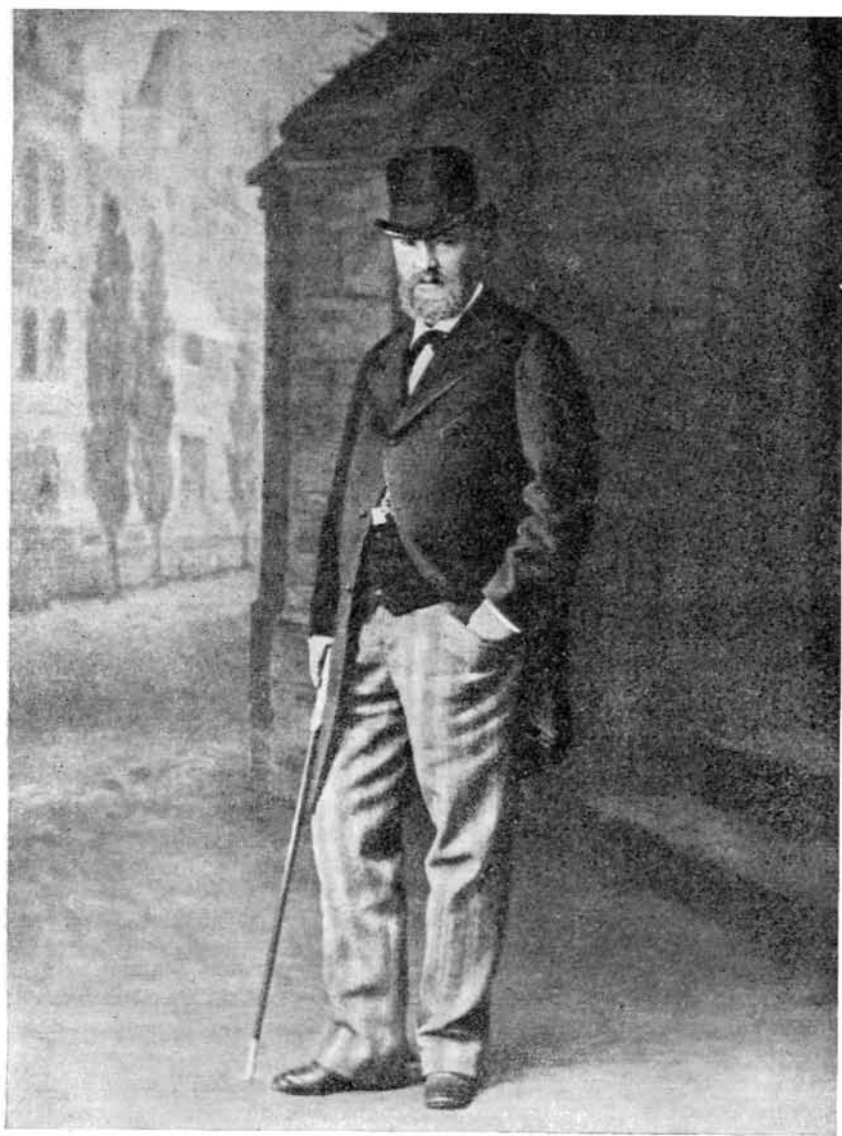
Таким образом, факт существования одной записки и сохранности ее практически уже в наше время подтверждается полностью. Но это было последнее упоминание о местонахождении записки, и с тех пор она исчезла из поля зрения литературоведов: ее нет сегодня в фондах Театрального музея, а текста ее нет в академическом Полном собрании сочинений Гоголя. Следовательно, в 1952 г., когда вышел XIV том этого издания, охватывающий письма Гоголя за 1848—1852 гг., ни подлинник записки, ни публикация Кашина не были известны составителям этого тома. Исчез очень интересный документ — отзыв Гоголя о первом большом произведении его младшего современника. И документ этот тем более важен, что уже в те годы широко дискутировался вопрос о том, был ли Островский продолжателем идей гоголевской «натуральной школы» с ее критическим отношением к действительности, или его творчество было тем «новым словом», как выражался А. А. Григорьев, которое не только не было связано с гоголевской традицией, но и сознательно противостояло ей.

Важность такого документа нельзя отрицать, — и вот он оказался утраченным.

Однако самое неожиданное состоит в том, что публикация Кашина — отнюдь не первая публикация полного текста записки Гоголя: впервые ее напечатал П. О. Морозов еще в 1896 г., но потом эта публикация оказалась забытой и неизвестной исследователям; во всяком случае, в своей статье 1928 г. Кашин ни словом не упоминает о публикации Морозова.

Полный текст этой записки следующий:

«Я тоже нахожу ответ Островского очень благоразумным. Дай ему бог успехов во всех будущих трудах и полного умения выражать ясней их благонамеренность, чтобы ни в ком не оставалось какое-нибудь на этот счет сомнение. При внутреннем усовер-

ОСТРОВСКИЙ

Фотография И. Г. Дьяговченко. Москва, 1879 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

шенствовании это приходит само собой. Самое главное, что есть талант — а он везде слышен»¹².

Ознакомление с текстом этой записки выдвигает сразу ряд вопросов, и первый из них — Гоголь ли писал это? Если судить по содержанию и стилю записки, то они бесспорно очень напоминают гоголевские: здесь и привычка начинать письмо без какого-либо обращения к адресату, и замечание о «внутреннем усовершенствовании», столь характерное для Гоголя последних лет жизни, и такой оборот, как «не оставалось какое-нибудь на этот счет сомненье», и излюбленная мысль, что все «приходит само собой». Наконец, в указанном выше наброске Островский повторяет два слова из этой записки, берет их в кавычки, как цитату. А уж он-то знал, что это записка Гоголя.

Одним словом, сомнений в авторстве Гоголя у нас нет.

Второй вопрос: что означают слова — «Я тоже нахожу ответ Островского очень благоразумным». Они связаны, безусловно, со следующим эпизодом из жизни Островского: после выхода «Москвитянина» с комедией «Свои люди — сочтемся!» (1850, № 6, март, кн. 2) пьесой заинтересовался негласный «Комитет 2-го апреля 1848 г.», так называемый «Бутурлинский комитет», созданный для контроля за уже вышедшими произведениями и стоявший над цензурой. Комитет, признав комедию «талантливой» и не найдя в ней «ничего прямо противного правилам общей цензуры», тем не менее счел необходимым поручить попечителю московского учебного округа генерал-адъютанту В. И. Назимову вызвать к себе автора и «вразумить его, что благородная и полезная цель таланта должна состоять не только в живом изображении смешного и дурного, но и в справедливом его порицании <...> в утверждении того <...> что злодеяние находит достойную кару еще и на земле»¹³.

Выполняя предписание Комитета, попечитель вызвал к себе автора «для вразумления», после чего Островский написал Назимову письмо, в котором, по этикету благодаря «за советы», с большим достоинством отстаивал свои позиции художника и гражданина: «Главным основанием моего труда, — писал драматург, — главной мыслью, меня побудившею, было: добросовестное обличение пороков, лежащее долгом на всяком члене благоустроенного христианского общества, тем более на человеке, чувствующем в себе прямое к тому призвание <...>. И мои надежды сбылись сверх моих ожиданий: труд мой, еще не конченный, возбудил одинаковое сочувствие и производил самое отрадное впечатление во всех слоях московского общества, более же всего между купечеством, о чем небезызвестно и вашему превосходительству <...>. Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшей формой к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был написать комедию или ничего не написать. Твердо убежденный, что всякий талант дается богом для служения, что всякий талант налагает обязанности, которые честно и прилежно должен исполнять человек, я не смел оставаться в бездействии» (XIV, 15—16).

Такое твердое по убеждениям и решительное по форме письмо молодой автор вряд ли мог отправить попечителю, не посоветовавшись предварительно с кружком лиц, близких ему. И вот, по-видимому, кто-то из членов этого кружка познакомил Гоголя с письмом Островского, и великий писатель одобрил его, назвав «очень благоразумным».

Третий вопрос — когда была написана и кому адресована эта записка? На первый вопрос ответить сравнительно несложно. Островский посетил Назимова 10 или 11 апреля 1850 г., ответ его датирован 26 апреля. Следовательно, записка может быть датирована 10—26 апреля.

Сложнее вопрос с адресатом письма. Приводя текст записки, Кашии сообщает, что она адресована «кажется» Ростопчиной. Следовательно, на самой записке адресат не указан. Морозов без колебаний адресатом записки называет Ростопчину. Но до сих пор не было известно ни одного письма Гоголя к Ростопчиной или Ростопчиной к Гоголю, хотя они были знакомы: 27 января 1846 г. Гоголь писал из Рима А. О. Смирновой: «Графиня Ростопчина тоже здесь. Она, при доброте и уме, пустовата. Это вовсе не книга, написанная о каком-нибудь одном и притом дельном предмете, а спитые лоскутки всего: tutti frutti»¹⁴. А сама Ростопчина рассказывала Бергу (он подчеркивал, что слышал это лично от нее), что когда она прочитала Гоголю свое знаменитое стихотворение «Насильный брак», именно он посоветовал ей отослать стихотворение для опубликования в Петербург: «Говорю вам: не поймут, — отвечал будто бы Гоголь на ее опасения. — Пошлите! Вы не знаете тупости нашей цензуры, а я знаю. Пошлите»¹⁵.

Как известно, именно за опубликование этого стихотворения Ростопчиной было запрещено жить в Петербурге, и она поселилась в Москве, где в это время жил и Гоголь. Склонная к славянофильству, Ростопчина стала печататься в «Москвитянине», потом познакомилась с так называемой «молодой редакцией» журнала, в которой главную роль играл Островский, и стала приглашать их на свои «субботы». Она с восторгом приняла комедию «Свои люди — сочтемся!»: «Что за прелесть «Банкротство», — писала она Погодину. — Это наш русский «Тартюф», и не уступит своему старшему брату в

достоинстве правды, силы и энергии. Ура! У нас рождается *своя* театральная литература!»¹⁶

Как писал Берг, после чтения комедии у Погодина именно она подошла к Гоголю и спросила его мнение о комедии, и вполне можно предположить, что именно она познакомила Гоголя с письмом Островского к Назимову; во всяком случае никто из друзей Островского того времени — ни А. А. Григорьев, ни Т. И. Филиппов, ни Е. Н. Эдельсон — не был настолько близок к Гоголю, чтобы иметь возможность передать ему письмо. Конечно, мог это сделать Погодин, но в его дневнике об этом нет ни слова.

А как же записка, адресованная Погодину? Существовала ли такая? Мы не верим в это. Обратим внимание на некоторые детали: в воспоминаниях Максимова сказано, что похвальный отзыв Гоголя о комедии «Свои люди — сочтемся!», переданный Погодиным Островскому, был написан «на клочке бумаги карандашом»; Морозов, говоря о записке, адресованной Ростопчиной, указывает: «Сохранилась записка Гоголя, наскоро написанная по этому поводу карандашом».

Как известно, Гоголь почти всегда писал на клочках бумаги, наскоро, небрежно, но обычно чернилами, карандашом же пользовался нечасто. А здесь такое совпадение: обе записки написаны именно карандашом!

Далее, содержание записки, адресованной Погодину, нам не известно, мы знаем только, что в ней говорилось о «признании таланта Островского», как характеризовалась записка, находившаяся на выставке в Театральном музее, но именно об этом говорится и в записке, адресованной Ростопчиной: «Самое главное, что есть талант, — а он везде слышен».

Откуда же взял Максимов, что записка была адресована Погодину? Как известно, после смерти Островского архив его разбирали Морозов, Максимов и Горбунов, но Максимов не был литературоведом, и о записке Гоголя он написал так, как ему представилось дело, а Морозов — известный историк литературы, человек, хорошо знавший эпоху, людей, архивные материалы того времени. Его установление адресата — это результат исследования.

Таким образом, безусловно, не было двух записок Гоголя к Островскому: была одна, именно та, которую впервые опубликовал Морозов, и она была адресована Ростопчиной. Теперь эта забытая записка должна войти в научный оборот при изучении творчества Островского и Гоголя. Она позволяет поставить вопрос о личных взаимоотношениях двух великих русских писателей на новые основы, прокорректировать некоторые неточные и ошибочные утверждения*.

В 1972 г. в журнале «Театр» (№ 6, стр. 81—91) была опубликована статья В. Я. Лакшина «Гоголь и автор «Банкрута». Лакшин пишет: «Еще до первой личной встречи с Островским Гоголь уже знал его имя» (стр. 81) и считает «правдоподобным» утверждение Н. П. Барсукова, что первое драматическое произведение Островского — «Картина семейного счастья» — произвело «большое впечатление на Гоголя» (стр. 82).

По мнению Лакшина, Гоголь мог заинтересоваться «Картиной» хотя бы потому, что первое чтение ее состоялось на квартире его близкого друга С. П. Шевырева: «При тесной близости и узких связях в тогдашнем московском литературном мире известие об этом, несомненно, должно было достигнуть ушей Гоголя» (стр. 82; курсив здесь и всюду далее наш. — Е.П.).

Но ведь нельзя забывать, что с июня 1842 г. Гоголь живет за границей, в частности, в феврале 1847 г., когда происходило чтение у Шевырева, — в Неаполе. Так что

* За время, когда настоящий том готовился к печати, об этой записке появилась целая литература. Первым о ней сообщил, ссылаясь на публикацию П. О. Морозова, В. Я. Лакшин («Лит. газета», 1972, 18 октября), указавший, что никакой другой записки Гоголя об Островском не было. С этим не согласился И. Г. Ямпольский («Русская литература», 1973, № 2, стр. 134—135). В своем ответе В. Я. Лакшин, ссылаясь на указанную нами публикацию Н. П. Кашина, вновь утверждал, что это — единственная существовавшая записка Гоголя «Русская литература», 1973, № 4, стр. 168). В том же номере (стр. 168—169) И. Г. Ямпольский повторил, что мнение В. Я. Лакшина не кажется ему до конца убедительным.

«тесная близость» и «узкие связи» здесь не имеют значения. Даже если «уши Гоголя» понимать в переносном смысле, т. е. что Гоголь мог об этом прочесть в письмах Шевырева, то и это не совпадает с действительностью. Переписка Гоголя и Шевырева за этот период сохранилась почти полностью, и мы можем проследить каждый этап ее¹⁷. Так, известно, что после 30 января 1847 г., обидевшись на Гоголя за его резкость по адресу Погодина, Шевырев долго не писал Гоголю, а последний писал ему 4 и 10 марта. На эти письма Шевырев ответил 22 марта, т. е. уже после чтения Островского у него дома, и в этом письме об Островском нет ни звука. Гоголь в свою очередь ответил на это письмо 27 апреля. После этого была маленькая записочка Шевырева к Гоголю, не дошедшая до нас, на которую Гоголь ответил 25 мая. Мы могли бы так, шаг за шагом, рассмотреть все письма обеих сторон — и не нашли бы в них ничего об Островском.

Да что Гоголь, находящийся так далеко! Погодин — один из ближайших друзей Шевырева и живущий в Москве, не только не присутствовал на чтении 14 февраля 1847 г., но до ноября 1849 г., т. е. более двух лет, не знал о существовании Островского: 24 ноября 1849 г. помечено его письмо к Шевыреву, где говорится: «Есть какой-то г. Островский, который хорошо пишет в легком роде, как я слышал»¹⁸. А ведь в это время в Москве уже давно гремели «Свои люди — сочтемся!».

Лакшин считает, что «Картину семейного счастья» Гоголь прочел в «Московском городском листке» (1847, № 60, 61): «*Можно считать установленным, что Гоголь читал эти номера «Московского городского листка», поскольку как раз в эту пору в нем была опубликована статья Аполлона Григорьева по поводу его книги «Выбранные места из переписки с друзьями», заинтересовавшая писателя»* (стр. 82).

Но и это не подтверждается. Известно, что Шевырев писал Гоголю 31 октября 1846 г.: «Литературная новость — у нас в Москве с нового года издается «Городской листок» ежедневно; издатель — очень благородный и деятельный человек, Драшусов. Я принимаю участие. Если захочешь что скорее сообщить публике, то милости просим». Гоголь попросил присылать ему «Листок», и 30 декабря 1846 г. Шевырев ответил: «Листок» и замечания на «М<ертвые> души» пересылать тебе буду, по мере получения». Но дав такое обещание, вскоре, 8 января 1847 г., спохватился: «Присылать тебе весь «Городской листок»? Ведь это ужасно дорого станет». После этого, как мы уже писали, переписка между ними надолго прекратилась, и только 22 марта Шевырев сообщил: «Здесь вышло две статьи. Одна в «Листке», Григорьева, с сочувствием тебе (...) Все статьи московские к тебе высылаю по почте»¹⁹. Но Шевырев выслал Гоголю не «Листок», а в лучшем случае вырезку из него, может быть даже — переписанный текст статьи (Гоголь, благодаря за присылку статьи Григорьева, тут же замечает: «*Переписывать статьи прежние не трудись. Некоторые я получил*»²⁰).

Таким образом, думается, что у нас есть все основания считать, что Гоголь в 1847 г. ничего не слышал об Островском и не читал его первой печатной комедии. Что же касается утверждения Барсукова, то кто же из специалистов по русской литературе не знает, что его богатейший по материалу многотомный труд «Жизнь и труды М. П. Погодина» не менее богат его собственными домыслами и фактическими ошибками.

Второй важнейший момент в статье Лакшина — чтение Островским «Своих людей» у Погодина 3 декабря 1849 г. История этого чтения запутана мемуаристами, и поэтому ко всему известному материалу должен быть очень критический подход: Его в статье Лакшина явно не хватает.

С нашей точки зрения, на первый план, как единственный бесспорный документ об этом чтении, должно быть поставлено найденное Лакшиным письмо А. Ф. Вельтмана, потому что оно написано на следующий день после события. Вельтман пишет: «Вчера Погодин звал на чтение гр. Ростопчиной ее драмы «Нелюдимка». До приезда ее читал Островский свою комедию «Банкрот», которая очень смешна»²¹. Из письма следует, что комедия читалась целиком, а не отдельные сцены из нее, как, следуя другим источникам, считает Лакшин (стр. 89). Небезынтересен и тот факт, что чтение началось до приезда Ростопчиной: можно предположить, что, войдя в комнату во время чтения, она села недалеко от двери, возле которой стоял Гоголь, также прие-

хавший с опозданием, и потому, естественно, именно она после чтения обратилась к нему с вопросом, о котором пишет Берг: «Что вы скажете, Николай Васильевич?»

Второе по времени свидетельство — это письма М. И. Семевского к Г. Е. Благоветлову, написанные в октябре—декабре 1855 г.

Лакшин считает, что эти материалы имеют *«большую цену достоверности»*, поскольку, во-первых, они приближены по времени к самому описываемому событию, а во-вторых, *«непосредственно»* отражают точку зрения главных для нас лиц — Островского и Гоголя» (стр. 87). Ну, что касается последнего, то это неверно: точку зрения Гоголя, тем более непосредственно, они никак не отражают, потому что с Гоголем Семевский не беседовал. Тем не менее Лакшин считает, что «записи Семевского *«обогащают»* нас новыми и весьма ценными сведениями» (стр. 87).

Но так ли это? Существует элементарный способ проверки достоверности мемуарного свидетельства: нужно проверить легко поддающиеся проверке фактические данные, и если уж они не верны, под сомнение следует поставить все свидетельство. Письма же Семевского, написанные, как он сам подчеркивает, непосредственно после бесед с Островским, полны таких грубых ошибок, что можно только удивляться: или это Островский фантазировал, рассказывая восторженному поклоннику (недаром Семевский пишет, что Островский «был, как говорится, в ударе»), или Семевский от восторга, что видит «своего идола»²², все перепутал и сочинил.

В самом деле, вряд ли Островский мог сообщить Семевскому, что он читал свою комедию при Гоголе не у Погодина, а у Ростопчиной, причем читал только отрывки, так как все устали, слушая сначала «балладу»(?) «Нелюдимка», хотя, как известно, было наоборот: сначала читал Островский; известно также, что Гоголь, не дослушав Ростопчину, уехал, а по Семевскому, он терпеливо досидел до конца, чтобы только послушать отрывки из «Своих людей», кстати уже известных ему в чтении П. М. Садовского. Наконец, Семевский пишет, что 15 декабря 1855 г. Островский рассказал ему о своих *«встречах»* с Гоголем. Как известно, встреч было только две — 3 декабря 1849 г. у Погодина и 9 мая 1850 г. — на именинах у Гоголя. Но вот об этих-то бесспорно бывших встречах Островский не говорил, зато подробно рассказывал о встрече с Гоголем у Ростопчиной²³, — о встрече, которой, как считает и Лакшин, не было; более того, из контекста письма 16 ноября 1855 г. вытекает, что самое главное чтение комедии «Свои люди — сочтемся!» состоялось на квартире у Гоголя: «Гр. Соллогуб, *«прослушав ее у Гоголя»*, прочел ее при дворе Марии Николаевны»²⁴.

И — апофеоз всего: «По словам Островского, — пишет Семевский, — Гоголь расцеловал автора-чтеца!» Интересно отметить: на чтении присутствовало 15 человек, четверо из них — Погодин, его сын Д. Погодин, Берг и Вельтман — оставили воспоминания об этом событии — и никто не заметил этого факта.

Лакшин пишет: «У нас нет оснований не доверять словам Островского» об этом, а в дневнике Погодина, в записи, сделанной после ухода гостей, об этом не говорится лишь потому, что он «более занятый Ростопчиной <...> мог этого не отметить» (стр. 88). Но почему собственно Погодин был так занят в этот момент Ростопчиной? Ведь логично предположить, что если Гоголь расцеловал Островского, то это было *«после его чтения»*, когда Ростопчина еще не читала и, естественно, внимание всех присутствующих было обращено на Островского, а не на Ростопчину, которая, кстати, сама в это время разговаривала с Гоголем об Островском. Можно ли было не заметить этого? А во-вторых, — Погодин все заметил. Лакшин, цитируя дневниковую запись Погодина: «Комедия «Банкрот» удивительная. Ее прочел Садовский и автор», почему-то пропускает следующую фразу: «С ним незнакомился»²⁵. Подлежащее этой фразы в записи отсутствует, и ее можно толковать и так: «<автор> с ним <Гоголем> не знакомился» и так: «<Гоголь> с ним <автором> не знакомился», но факт остается фактом: Берг был абсолютно прав, как будто специально подчеркивая: «К Островскому, сколько могу припомнить, <Гоголь> не подходил ни разу».

И лишь одно сообщение Семевского находит подтверждение в других источниках: Гоголь еще до 3 декабря слышал комедию в чтении Садовского. Лакшин предполагает: «возможно; в доме Шереметевых, где он <Гоголь> бывал» (стр. 87). Но Шереметевых в Москве было много, а Гоголь был хорошо знаком только с Н. Н. Шереме-

тевой; он бывал у нее в доме, но там «Своих людей» читать не могли. В домах других Шереметевых Гоголь, кажется, не бывал.

Итак, мнение Лакшина, что в лице Семейского «мы имеем <...> дело с весьма точным и авторитетным свидетелем» (стр. 87), ничем не подтверждается. С нашей точки зрения, наоборот, — свидетельству Семейского верить нельзя.

Лакшин считает, что на чтение 3 декабря Погодин поручил Гоголю пригласить М. С. Щепкина. При этом он ссылается на записочку, почему-то отсутствующую в академическом издании Гоголя, но цитируемую Барсуковым, однако содержание записки отнюдь не подтверждает того, что вывел из нее Барсуков и выводит Лакшин: «Когда увижусь с Щепкиным, передам ему это, и ответ привезу сам»²⁶.

«Ответ» здесь может быть только один — согласие или несогласие Щепкина приехать на чтение, но, думается, о таком ответе Гоголь не мог написать «привезу сам» — привозить-то было нечего! Поэтому, с нашей точки зрения, содержание этой записки относится к чему-то другому. Во всяком случае, то, что записка относится не к приглашению Щепкина, подтверждается тем, что в Библиотеке им. В. И. Ленина хранится записка сына Щепкина к Погодину, датированная 2 декабря 1849 г.: «Батюшка просит вас уведомить его: будет ли у вас завтра чтение пьесы — «Свои люди — сочтемся»? И если будет, — то в котором часу?»²⁷ Если бы Гоголь должен был, как пишет Лакшин, «привести на вечер М. С. Щепкина», то цитированная записка П. М. Щепкина была бы не нужна. Зато приведенная Барсуковым записка Гоголя очень напоминает серию его записок к Погодину от февраля—мая 1842 г., когда Гоголь жил у него в доме и они обменивались такими записочками²⁸. Все они не датированы, и мы вполне допускаем, что Барсуков мог по ошибке отнести одну из них к 1849 г., вместо 1842-го.

Желая всячески подчеркнуть благожелательное отношение Гоголя к Островскому, Лакшин очень большое внимание уделяет тому, что Гоголь пригласил Островского к себе на именины 9 мая 1850 г.: «То что он *неожиданно* пригласил мало знакомого ему Островского, было очевидным знаком расположения» (стр. 89). А может быть, главное — в подчеркнутом нами слове: неожиданное, импульсивное движение, не больше, кстати, характерное для Гоголя именно наряду с долгим обдумыванием, сомнениями и колебаниями. Если бы было «расположение», то мог ли Гоголь, организовав на следующий год, 5 ноября 1851 г., чтение «Ревизора», — не пригласить на него Островского, в то время как почти все приглашенные — близкие знакомые драматурга: Щепкин, Садовский, Шумский, Берг, Погодин, Шевырев и др.

Вызывает очень большое сомнение еще одно утверждение Лакшина: «Гоголь *хотел услышать* новую пьесу Островского «Бедная невеста» (стр. 90) и для этого приехал 9 февраля 1852 г. к Шевыреву, но, увидев много незнакомых людей, повернулся и уехал».

Прежде всего, можно усомниться, что такое чтение состоялось, как вспоминал сам Островский, «в субботу на масленице» (т. е. 9 февраля 1852 г.): к этому времени уже вышло отдельное издание пьесы (цензурное разрешение 1 января 1852 г.). А самое главное, — нужно знать события последних дней жизни Гоголя, чтобы понять: не мог он «хотеть услышать» новую пьесу Островского, не мог он *ради этого* приехать 9 февраля к Шевыреву. Известно, что после смерти Е. М. Хомяковой 26 января 1852 г., произведшей на Гоголя подавляющее впечатление, он еще несколько дней держался, но 4 февраля прекратил чтение корректур издания своих сочинений и вообще всю литературную работу; 5 февраля Гоголь посетил Шевырева, и все заметили, «что он более обыкновенного был бледен и слаб. Он и сам говорил, что чувствует себя худо»; с этого дня он отказался от пищи и лишил себя сна; 7 февраля он ездил на исповедь и «едва держался на ногах»; в этот день его посетил Шевырев, а вечером Гоголь был у Погодина; в ночь с 8-го на 9-е Гоголь вызвал к себе священника и попросил соборовать его маслом²⁹, а 9-го утром он посетил Хомякова и после этого из дома уже вообще не выходил. Мог ли в этот день Гоголь «поспешно вбежать», как вспоминал Островский, в комнату Шевырева, где шло чтение «Бедной невесты», и так же поспешно уйти? Видимо, чтение «Бедной невесты» было не в «субботу на масленой», а значительно раньше; тогда и могла состояться эта последняя встреча Островского с Гоголем.

В. Н. ДАВЫДОВ В РОЛИ РИСПОЛОЖЕНСКОГО («СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!»)

Первое исполнение роли—Александринский театр, 1896 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Н. В. Берг. Воспоминания о Н. В. Гоголе. — «Русская старина», 1872, № 1, стр. 121. — Интересно, что через десять лет, в 1883 г., Берг этот же эпизод описал несколько иначе: «Мне вздумалось подойти к Гоголю и спросить его мнение о пьесе. Он сказал, что «при несомненном и большом таланте автора проглядывает неопытность, юность в технике дела. Необходимо, чтобы такой-то акт (он его назвал цифрой) был покороче, а такой-то подлиннее. Все это он узнает впоследствии, может быть, очень скоро узнает, но пока не имеет об этом ни малейшего понятия. Пишет, как талант-самородок, с плеча, не оглядываясь, а руководствуясь только вдохновением. А это не годится и невозможно. Техника — другое вдохновение, вдохновение тогда, когда нет вдохновения!.. Но талант, решительный талант!» (Н. В. Берг. Графиня Ростопчина в Москве. — «Исторический вестник», 1883, № 3, стр. 700—701). Думается, есть все основания считать, что позднейшее «воспоминание» — типичное сочинение, в котором конкретный факт для большей достоверности дополнен различного рода «солидными» подробностями.
- ² А. И. Ревякин. А. Н. Островский. М., Учпедгиз, 1949, стр. 84.
- ³ С. В. Максимов. А. Н. Островский. (По моим воспоминаниям). — В изд.: А. Н. Островский. Полн. собр. соч. СПб., <1904—1909>, «Просвещение», т. XI, стр. 30.
- ⁴ И. И. Иванов. А. Н. Островский. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1900, стр. 29.
- ⁵ С. Дурыйлин. А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества. М. — Л., «Искусство», 1949, стр. 17.
- ⁶ А. И. Дубинская. А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 43.
- ⁷ А. И. Ревякин. Указ. соч., стр. 85.
- ⁸ И. И. Смирнов. А. Н. Островский. — В сб.: «Александр Николаевич Островский. 1823—1923». Под ред. П. С. Когана. Иваново-Вознесенск, 1923, стр. 23.
- ⁹ Л. М. Лотман. Книга о великом москвиче. — «Русская литература», 1963, № 3, стр. 205.
- ¹⁰ «Островский. 1823 31 марта/13 апреля 1923. К столетию со дня рождения». Юбилейный сборник под ред. А. А. Бахрушина, Н. Л. Бродского и Н. А. Попова. Издание Русского театрального общества. М., 1923, стр. 74.
- ¹¹ Н. П. Кашиин. Островский и Гоголь. — «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 4-5, стр. 20.
- ¹² П. Морозов. Литературные дебюты А. Н. Островского. — «Образование», 1896, № 5-6, стр. 91; перепеч.: П. Морозов. Минувший век. СПб., 1902, стр. 425.
- ¹³ А. Н. Островский. Полн. собр. соч. СПб., «Просвещение», т. X, стр. XXVI—XXVII.
- ¹⁴ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1952, т. XIII, стр. 35.
- ¹⁵ Н. В. Берг. Графиня Ростопчина в Москве, стр. 694.
- ¹⁶ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 11. СПб., 1897, стр. 69.
- ¹⁷ Письма Гоголя к Шевыреву см.: Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. М. — Л., Изд-во АН СССР, т. XIII, 1952, стр. 188, 213, 236, 249, 290, 314; письма Шевырева к Гоголю. — Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г. Прилож. СПб., 1896, стр. 34—55.
- ¹⁸ Н. Барсуков. Указ. соч., кн. 10, стр. 311.
- ¹⁹ Отчет имп. Публичной библиотеки, стр. 34, 39, 41—42, 47—48.
- ²⁰ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 314.
- ²¹ Цит. по статье Лакшина, стр. 88.
- ²² «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», стр. 136 и 128.
- ²³ Там же, стр. 136—137.
- ²⁴ Там же, стр. 134.
- ²⁵ Цит. по кн.: Т. С. Гриц. М. С. Щенкин. Летопись жизни и творчества. М., «Наука», 1966, стр. 450.
- ²⁶ Н. Барсуков. Указ. соч., кн. 11, стр. 69.
- ²⁷ Цит. по указ. кн. Т. С. Грица, стр. 450.
- ²⁸ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 43—65.
- ²⁹ Николай М. «П. А. Кулиш». Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. СПб., 1854, стр. 192—193.